

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Артур Шопенгауэр (1788–1860)

Глава 3. Немецкая философия

«Мир как воля и представление» (1844–1859)

Шопенгауэр родился в канун Великой французской революции в Данциге, в интеллигентной семье. Его отец-коммерсант был по взглядам вольтерьянцем, а мать писала популярные романы. В детстве мальчик вместе с семьей часто ездил в Европу, главным образом во Францию, где прожил два года в Гавре.

В 1805 году отец умер. Юноша смог поступить в университет только после того, как получил свою часть отцовского наследства. В дальнейшем наследство позволит ему прожить всю жизнь, не заботясь о пропитании. Вначале Шопенгауэр занялся в Гёттингенском университете медициной, но уже в начале второго семестра перешел на философский факультет. Слушая курс лекций Готлоба Эрнста Шульце, юноша открыл для себя философские системы Платона и Канта. Затем он отправился в Берлин, где познакомился с Фихте, которым глубоко восхищался поначалу и столь же глубоко презирал впоследствии. Диссертацию «О четвероюм корне закона достаточного основания», за которую Шопенгауэр получил степень доктора Иенского университета (1813), высоко оценил Гете, ставший с тех пор другом молодого философа. Эту работу Шопенгауэр позже включил в первое издание книги «Мир как воля и представление» в качестве вступления. Под влиянием Гёте он написал эссе «О зрении и цветах» (1816).

В 1814 году Шопенгауэр познакомился с буддизмом. Это учение, а также философия Канта, оказали глубокое влияние на главный труд философа «Мир как воля и представление», опубликованный в 1818 году и дополненный в 1844 и 1859 годах. Вопреки ожиданиям автора, читатели не пришли в восторг от его книги. Не встретила особого энтузиазма у слушателей и попытка Шопенгауэра преподавать в Берлинском университете, и разочарованный философ оставляет преподавание и полностью посвящает себя науке.

В 1836 году Шопенгауэр публикует трактат «Воля в природе», встреченный публикой не лучше, чем первая его работа. Затем выходит книга «О свободе воли» (1838). Молчание, с которым встречены его сочинения, убеждает Шопенгауэра, что он стал жертвой заговора, организованного «философами-профессорами» против теорий, несовместимых с официальной философией. Он вступает в ожесточенную полемику с этими «министерскими лакеями».

После выхода в свет в 1844 году второго издания книги «Мир как воля и представление» с добавлением ряда приложений труды философа понемногу начинают вызывать интерес у читателей. И лишь перед самой смертью Шопенгауэр наконец приобретает широкую известность благодаря своему первому ученику Юлиусу Фрауэнштедту, опубликовавшему в 1854 году книгу «Письма о философии Шопенгауэра». Третье издание «Мира как воли и представления» с новыми дополнениями вышло в 1859 году.

Предисловие

Автор поясняет, что материал работы излагается систематически, с целью облегчения его усвоения, но должен функционировать как целостный организм, то есть как единая мысль. «В зависимости от того, с какой стороны рассматривать эту единую мысль, она оказывается тем, что называли метафизикой, тем, что называли этикой, и тем, что называли эстетикой. Иона, в самом деле, должна быть всем этим, если она действительно то, чем, как уже было указано, я ее считаю».

В отличие от архитектурной системы, предполагающей порядок, книга должна быть «единственной мыслью». Она «должна сохранять полное единство. Если она тем не менее может быть для ясности усвоения разделена на части, то связь этих частей должна быть органической, т. е. такой, где каждая часть так же поддерживает целое, как целое поддерживает ее, где ни одна из частей не есть ни первая, ни последняя, где мысль в целом обретает посредством каждой части большую ясность и даже наименьшая часть не может быть вполне понята, если предварительно не понято целое».

Таким образом, Шопенгауэр сожалеет о несогласованности между формой и содержанием своего труда. Книга построена не на принципе логического продвижения вперед, а на основе фундаментальной интуиции, и об этом не следует забывать при ее чтении, отмечает Хесс.

Ко второму изданию книги Шопенгауэр добавил в качестве нового введения к своей работе приложение «Критика кантовской философии». Здесь фундаментальная интуиция философа представлена в другой манере. Это приложение состоит из 49 глав, то есть по объему не уступает основному тексту.

Как поясняет Шопенгауэр, для того чтобы понять его книгу, следует предварительно изучить три источника: сочинения Платона, Канта и индуистскую философию, изложенную в Упанишадах, – произведении, которое немцы еще только открывают для себя. Оно представляет собой «наиболее реальное преимущество этого века над предыдущим, поскольку, по моему мнению, влияние литературы санскрита на наше время будет не менее глубоким, чем в XV веке было возрождение греческой литературы».

Книга первая: Мир как представление

Первое размышление: представление, подчиненное закону основания; объект опыта и науки

Первая книга начинается с утверждения: «Мир – мое представление». Шопенгауэр считает, что эта истина справедлива для всех живых существ, но лишь человек может привнести ее в сознание. Эта концепция мира как осознанного представления о мире есть отправная точка философского духа.

Я могу быть уверен единственно только в том, что «не знаю ни Солнца, ни Земли, а знаю только глаз, который видит это Солнце, руку, которая осязает Землю». Иначе говоря, человек знает, что «окружающий его мир существует только как представление, т. е. по отношению к другому, к представляющему, который есть он сам». Это представление о мире выражает все виды любого возможного и мыслимого в мире опыта. Речь идет о понятии более общем, чем понятия времени, пространства и причинности.

«Если каждая из этих форм, которые мы постигли как отдельные виды закона основания, имеет значение лишь для отдельного класса представлений, то, напротив, распадение на объект и субъект служит общей формой для всех этих классов, той формой, в которой вообще только возможно и мыслимо любое представление, каким бы оно ни было – абстрактным или интуитивным, чистым или эмпирическим».

Согласно Шопенгауэру, «все, существующее для познания, следовательно, весь этот мир, – лишь объект по отношению к субъекту, созерцание созерцающего, одним словом, представление». Этот закон относится не только к настоящему, но и к прошедшему и будущему. Познание проходит через взгляд, которым субъект смотрит на мир. Каков же этот субъект?

«То, что все познает и никем не познается, есть субъект. Он, следовательно, носитель мира, общее, всегда предпосылаемое условие всего являющегося, всякого объекта; ибо только для субъекта есть все, что есть. Таким субъектом каждый находит самого себя, но лишь поскольку он познает, а не поскольку он объект познания. Объект – уже его тело, которое мы поэтому, с этой точки зрения, называем представлением. Ибо тело – объект среди объектов и подчинено законам объектов, хотя оно – непосредственный объект».

Как и всякий объект созерцания, тело действительно подчиняется формальным условиям мысли, времени и пространства. Это порождает множественность в представлениях: Шопенгауэр различает интуитивные представления, условиями которых являются время, пространство и причинность, и абстрактные представления, или понятия. Общее у них то, что представление есть встреча субъекта и объекта.

Для Шопенгауэра материя есть причинность, также как и закон опыта. В этом смысле всякая интуиция является интеллектуальной и «абсолютная истина состоит в прямой или не прямой связи с ней». Шопенгауэр связывает свою философию с трансцендентальным идеализмом Канта, считая, что доводит его критику до логического завершения.

Книга вторая: Мир как воля

Первое размышление: объективация воли

Если я признаю, что мир есть мое представление, то следует признать и то, что «мир есть моя воля». Воля открывается внутренним опытом моего тела, отличным от самого тела, которое есть лишь один из многих объектов представления. Мое тело, в котором я существую в мире, проявляется как тождественное мне, субъекту познания. Это расширенное толкование понятия воли предполагает, что она – не только психологическое качество человека.

Шопенгауэр настаивает на примате бессознательной воли над сознательным интеллектом: «Воля есть сущность человека, а интеллект – ее проявление». Воля, определяемая рационально, есть не что иное, как высшая степень, расцвет воли, являющейся сущностью всех живых тел в лестнице животных тел, более того, ее следует признать сущностью даже сырой материи. Единая в самой себе, эта воля объективируется в природе, начиная от элементарной физической силы и кончая жизненной силой. Но в этом не следует видеть никакого плана, который свидетельствовал бы о божественном разуме: воля утверждается абсурдно, не имея ни причины, ни цели.

Для Шопенгауэра вещь в себе остается непознаваемой: термин «воля», обозначающий феномен, наиболее близко нам знакомый, позволяет лишь мыслить о ней в ее «объективности». Но «воля как вещь в себе полностью отличается от своего явления и совершенно свободна от всех его форм, которые она принимает только в своем проявлении».

Книга третья: О мире как представлении

Второе размышление: представление, независимое от закона основания. Платоновская идея. Объект искусства

Различные проявления единой воли, степени ее объективации, природные силы, виды животных, человеческие индивидуальности следует отождествить с «идеями» Платона или «вещью в себе» Канта, рассматриваемыми как формы, находящиеся вне пространства и времени, а значит, независимые от принципов разума: «Время, пространство и причинность – такие свойства нашего интеллекта, в силу которых единое, собственно, Имеющееся существо каждого рода, представляется нам множеством однородных, постоянно вновь возникающих и гибнущих существ в бесконечной последовательности. Восприятие вещей посредством такого устройства нашего интеллекта и соответственно ему – восприятие имманентное; напротив, то, которое осознает, как происходит это восприятие, – трансцендентальное. Его достигают in abstracto посредством критики чистого разума, но в виде исключения оно может возникнуть и интуитивно».

Так происходит в эстетическом опыте, который рассматривается в третьей книге. В этом виде опыта каждый человек способен подняться до незаинтересованного созерцания идей.

Созерцание приостанавливает, по крайней мере, временно примат воли к жизни. Эстетическое наслаждение порождается упражнением способности к познанию, освобожденной от обслуживания воли и ставшей созерцанием чистого объекта чистым субъектом. Познание в созерцании дает доступ к идеям, тогда как дискурсивное, или абстрактное, познание руководимо принципом разума. Эти два вида познания диаметрально противоположны. Художник обладает исключительной способностью к созерцанию; его гений представляет собой своего рода избыток этой способности, родственной безумию.

Гений освобождается от власти принципа разума. Он познает Идеи и сам становится, «познавая их, коррелятом идеи, следовательно, уже не индивидом, а чистым субъектом познания». Но, добавляет Шопенгауэр, все люди способны пережить этот опыт, во всяком случае, до определенной степени, «в противном случае они не смогли бы наслаждаться произведениями искусства». Чувство прекрасного и возвышенного предполагает наличие этой способности. Гений идет дальше в познании этого рода, поскольку он способен, восприняв

Идею, преобразовать ее, сделать видимой в своей работе: «Художественное произведение – лишь средство облегчить познание идеи». Художник познает уже не действительность, а лишь идею. Он стремится воспроизвести в своем произведении лишь чистую идею. Он отличает ее от действительности: «Художник, который познал только идею, вне действительности, воспроизводит в своем творении чистую идею, выделяет ее из действительности, устраняя все мешающие этому случайности. Художник заставляет нас смотреть на мир его глазами. То, что его глаза таковы, что он познает сущность вещей вне всех их отношений, – это дар, которым обладает гений, врожденная способность».

В эстетическом созерцании соединяются, таким образом, с одной стороны, познание объекта как идеи, а с другой – сознание того, кто познает, то есть чистого познающего субъекта. Когда человек руководствуется в жизни лишь волей, он испытывает потребности и желания, которые никогда не удовлетворяются. Но познание идеи: «это как чистое созерцание, как способность раствориться в созерцании, потеряться в объекте, забыть об индивидуальности, как отказ от способа познания, следующего закону основания и постигающего только отношения. Субъект и объект уже находятся вне потока времени и всех других отношений».

Затем Шопенгауэр развивает эту концепцию, иллюстрируя ее примерами, взятыми из различных жанров искусств. Он показывает природу чувства возвышенного, а затем чувства прекрасного: «Называя предмет прекрасным, мы выражаем этим, что он – объект нашего эстетического созерцания; это имеет двоякое значение: с одной стороны, что видение этого предмета делает нас объективными, то есть, созерцая его, мы сознаем себя уже не индивидом, а чистым, свободным от воли субъектом познания; с другой – что мы познаем в предмете не отдельную вещь, а идею».

Шопенгауэр рассматривает различные виды изящных искусств, показывая их специфические связи с эстетическим наслаждением: архитектуру, скульптуру, живопись. «Объект искусства, изображение которого – цель художника и познание которого, следовательно, должно предшествовать его творению, как зародыш и источник, есть идея». И далее: «Идея вполне созерцательна и, хотя представляет бесконечное множество отдельных вещей, вполне определена».

Хотя в поэзии слова «непосредственно передают лишь абстрактные понятия, тем не менее очевидно намерение заставить слушателя созерцать в этих словах, представляющих понятия, идеи жизни». Шопенгауэр ставит автобиографию выше грандиозных исторических эпосов, в которых не находится места описаниям психологии. Идею легче отразить в биографическом произведении. Высшая форма поэзии – трагедия как выражение человеческой судьбы.

Музыка имеет еще большее значение, поскольку она выражает не идеи, а непосредственно саму волю к жизни: «Музыка, обходя идеи и будучи независима также от явленного мира, полностью этот мир игнорирует. Музыка – такая же непосредственная объективация и отражение всей воли, как и сам мир, как идеи, явление которых во множественности составляет мир отдельных вещей. Следовательно, музыка в отличие от других искусств – отнюдь не отражение идей, а отражение самой воли, объектностью которой служат и идеи». Эта часть завершается заключением, в котором Шопенгауэр описывает восторг художника при созерцании воли в ее объективации.

Книга четвертая: О мире как воле

Второе размышление: при достигнутом самопознании утверждение и отрицание воли к жизни

В этой книге излагается философия «практической жизни». Но автор не выдвигает никакого нравственного императива: «Философия всегда носит теоретический характер, так как, каким бы ни был непосредственный предмет ее исследования, ей свойственно только рассматривать и изучать, а не предписывать». И далее: «Добродетели не учат так же, как не учат гениальности. Для добродетели понятие столь же бесплодно, как для искусства, и может служить лишь орудием».

Шопенгауэр отличается некоторым пессимизмом. В свете метафизики воли человеческий опыт открывает нам, что основу всякой жизни составляет страдание: «Постоянное страдание есть существенное свойство жизни», или еще: «Жизнь – это море, полное рифов и водоворотов; человек в силу осторожности и благоразумия их избегает и все же знает, что, даже если ему благодаря своим энергии и умению удастся проскользнуть меж ними, он все равно будет постепенно продвигаться к великому, полному, неизбежному и непоправимому кораблекрушению; что он идет курсом, но направлению к собственной гибели, к смерти».

Шопенгауэр приводит множество примеров страдания: тщетность желаний, без конца появляющихся вновь и вновь, скука как основное человеческое чувство. По мнению философа, на уровне индивида утверждение воли к жизни выражается, прежде всего, в эгоизме и несправедливости. Эгоизм, просвещенный разумом, может подняться над несправедливостью и создать государство и право. Но понятие безусловного долга внутренне противоречиво, и добродетель может основываться лишь на созерцании идентичности воли во мне и в другом, на сострадании. Выйдя за рамки справедливости и сострадания и придя к наивысшему осознанию самой себя, воля самоуничтожается. Когда остается лишь знание, воля исчезает. Самоотрицание воли происходит не в акте самоубийства, – в нем все еще проявляется воля к жизни, – но в аскетизме.

Хотя Шопенгауэр атеист, но проблемы святости, освящения страданием, блаженства смерти все же ему близки. Единственным актом свободной воли может быть лишь освобождение от мира явлений. Здесь очевидно влияние индуизма, заметное место в котором занимает понятие нирваны. Книга завершается размышлением о том состоянии, в котором человек доходит до полного отрицания собственной воли, и идею которого невозможно передать другому: «То, что остается после полного устранения воли для всех тех, кто еще преисполнен ею, в самом деле, ничто. Но и наоборот: для тех, чья воля обратилась и пришла к отрицанию себя, этот наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями – ничто».

Влияние Шопенгауэра

Теория Шопенгауэра, развитая им в третьей книге, возвышает искусство до вершин метафизики, позволяющей человеку установить прямую связь между глубинами своей личности и миром. Эта теория искусства, как освобождения, оказала большое влияние на художников конца XIX века. Так к последователям философа причисляли себя Вагнер и символисты. Да и сегодня философия Шопенгауэра заставляет задуматься о месте искусства в жизни, о миссии художника в обществе, о связи между искусством и безумием.

Одним из самых известных учеников философа был Фридрих Ницше, открывший для себя Шопенгауэра в 1865 году. В его книге «Рождение трагедии» (1872) легко заметить влияние Шопенгауэра. Даже взойдя на вершины духа, Ницше ставил Шопенгауэра очень высоко, рядом с Гете и Гегелем. Многие темы учения Ницше, например тема вечного возвращения, берут начало в философии Шопенгауэра, считает Хесс. В 1873–1876 годах Ницше публикует свои «Несвоевременные размышления». В третьей их части «Шопенгауэр-воспитатель» он говорит уже не об учении философа, а о его одиночестве, о его свободной и смелой позиции по отношению к действительности и в оппозиции к ней. Оптимизму, конформизму, вульгарности современной культуры Ницше противопоставляет труды Шопенгауэра, напоминая о его типологии высших людей: святой, художник, философ. И возможно, человек, великий человек будущего, будет похож на Шопенгауэра, «который поднялся до трагического созерцания» и принял «добровольные страдания за правду». Ницше и сам, несомненно, во многом был последователем Шопенгауэра.

Четвертая книга, проникнутая пессимизмом, сделала Шопенгауэра знаменитым. Страдание, которое философ видит повсюду, заставляет его смотреть на жизнь глубоко пессимистически, и его взгляды разделяли многие писатели, поэты и философы XIX и начала XX века. Восточная философия, открытая Шопенгауэром, крайне интересна для нас: ведь сегодня мы заново открываем для себя ее глубины, пишет Реми Хесс. В своих «Приложениях», к примеру, Шопенгауэр описывает метафизику любви, называя это чувство глубочайшей иллюзией и

хитростью рода. Известно, что так считают многие восточные философы. Эта мысль может сегодня показаться парадоксальной. Но она высказывалась в христианской философии Запада с давних пор, задолго до Реформации, и это сближает ее с восточной традицией. Мистицизм, которым проникнуто заключение, находит сегодня продолжение в «поперечном анализе» Рене Барбье – философа, занимающегося вопросами воспитания. С помощью этого анализа он делает попытку установить связь между различными формами мысли и действия пишет Реми Хесс.

Эберхард Фромм подчеркивал влияние Шопенгауэра на «постмодернистов». К примеру, Герберт Маркузе видит в философии Шопенгауэра теорию мира XX столетия. Такие писатели, как Томас Манн и Сэмюэл Беккетт, такие философы, как Людвиг Витгенштейн и Макс Хоркхеймер, использовали в своих работах произведения Шопенгауэра, продолжает Хесс.

По словам Реми Хесса, в книге «Мир как воля и представление» Шопенгауэр ставит новую проблему, остающуюся актуальной и по сей день: вопрос о мире как объекте философии. Анри Лефевр в 80-е годы нашего века признавал, что в своей теории «монциализма» он использовал проблематику книги Мир как воля и представление. С этой точки зрения философское учение Шопенгауэра не выглядит устаревшим и сегодня. Проблема установления связи между человеком и миром, познания через посредничество собственного тела еще никогда не была столь актуальной. Как освободиться от предвзятых представлений о мире, постоянно навязываемых нам средствами массовой информации? Как обнаружить истину за внешними ее проявлениями? Как дойти до познания понятий, а главное Идей? Шопенгауэр открыл путь к созданию философии, пытающейся примирить жизненный опыт и мысль.